

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

М.В. Бохиева, И.Ж. Степанова

Статья посвящена проблемам анализа прагматического аспекта лексического значения слова в контексте художественного произведения. Автор приходит к выводу, что реализация прагматического значения слова в художественном тексте зависит от различных коннотаций, которые представляют собой культурный и исторический контекст существования данной единицы. Эти коннотации формируют прагматические функции в речи персонажей, к которым относятся способ установления контакта с адресатом сообщения посредством указания на свой/чужой, характеристика социального портрета говорящего, выражение его коммуникативных интенций, приглашение читателя к диалогу с самим автором произведения. Прагматический потенциал слова выявляется не только в речи персонажей художественного произведения, но и в авторском тексте, в котором реализуются различные коммуникативные интенции писателя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматическая функция слова, прагматический компонент значения слова, прагматический смысл, коннотация, оценочная лексика, коммуникативная интенция, речевая ситуация, компоненты речевой ситуации, речевой акт

БОХИЕВА Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ИФМК (Институт филологии и массовых коммуникаций) ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет». marina.bohieva@yandex.ru

СТЕПАНОВА Ирина Жамсарановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ИФМК (Институт филологии и массовых коммуникаций) ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет». irinaiposta@ya.ru

Цитирование: Бохиева М.В., Степанова И.Ж. Прагматические функции лексических единиц в художественном тексте // Мир лингвистики и

коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 67–77. Режим доступа: www.tverlingua.ru

PRAGMATIC FUNCTION OF LEXICAL ITEMS IN LITERARY TEXT

Marina V. Bokhieva, Irina Zh. Stepanova

The article considers the problems of pragmatic aspect of word lexical meaning in the context of literary text. The author concludes that implementation of word pragmatic meaning depends on different connotations which are cultural and historical context of this unit existing. These connotations form pragmatic functions in characters' speech which are referred to making contact with message addressee by defining us/them, speaker's social portrait characteristics, expressing his/her communicative intentions, invitation for readers to the dialogue with the author. Pragmatic potential of word is revealed in the speech of characters of literary text, but also in author's text where different communicative intentions of author are implemented.

KEY WORDS: word pragmatic function, word meaning pragmatic component, connotation, evaluative vocabulary, communicative intention, speech situation, speech situation components, speech act

BOKHIEVA Marina V. – PhD in Philology, docent of department of the Russian language and general linguistics of Institute of Philology and Mass communications of Buryat State University. marina.bohieva@yandex.ru

STEPANOVA Irina Zh. – PhD in Philology, docent of department of the Russian language and general linguistics of Institute of Philology and Mass communications of Buryat State University. irinaposta@ya.ru

Citation: Bokhieva M.V., Stepanova I.Zh. Pragmatic function of lexical items in literary text // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 4. P. 67–77. Access mode: www.tverlingua.ru

Прагматика как наука изучает языковые единицы в их употреблении, в отношении к тем, кто их использует. При этом основное внимание сосредоточено на условиях употребления знака и воздействию, которое оказывает данный знак на адресата в речевой коммуникации.

Однако выделение в значении слова прагматического компонента представляет собой непростую задачу. Прежде всего, потому, что встает вопрос отделения семантического от прагматического в содержании слова. Эта проблема рассматривалась такими учеными как Р. Познер, Д. Вундерлих, Джон Лич, Э. Азнаурова, Ю. Апресян.

Как пишет Д. Вундерлих, «семантика изучает буквальное значение, прагматика же имеет дело со всеми видами непрямого значения, а также с результатами акта речи, т.е. с теми выводами, которые делает слушающий из слов говорящего, с его последующими реакциями и т.д.» (Wunderlich, 1991: 33).

По мнению же Джона Лича, «и семантика, и прагматика связаны со значением языкового знака, но различие между ними трактуется с точки зрения разных пониманий глагола «значить». Семантика отвечает на вопрос «что означает?» Прагматика отвечает на вопрос «Что вы хотите сказать, употребив слово?» (Leech, 1983: 5-6).

Функциональные свойства языкового знака не всегда выводятся из его лексического значения, например, слово «малыш» может использоваться как ласковое обращение мужчины к женщине. В связи с этим Ю.Д. Апресян выделяет прагматические функции лексем и делит их на тривиальные, которые выводятся из языкового значения знака, и нетривиальные, не выводимые из лексического значения (Апресян, 1995: 150). По существу, именно нетривиальные функции в большинстве случаев и являются собственно прагматическими, так как они обусловлены экстралингвистическими факторами, то есть прихотливой судьбой языкового знака, которая складывается в результате его длительного функционирования в языке.

К прагматической информации относятся и различные коннотации, которые мы понимаем, как самые разнообразные дополнительные компоненты информации содержания слова, возникающие и закрепляющиеся в слове в результате определенных экстралингвистических условий функционирования (Сторожева, 2009: 3).

Э.С. Азнаурова считает, что «множественное, повторяющееся употребление слова в типизированной ситуации речевого общения вызывает узуальное закрепление в слове прагматической информации» (Азнаурова, 1988: 38).

Следуя мыслям Э.С. Азнауровой, В.И. Заботкина конкретизирует: «слово приобретает прагматическую маркированность на уровне системы. Прагматическое содержание слова кодирует черты ситуации общения, в которой оно обычно употребляется. Прагматический анализ на уровне слова имеет целью выявление внутренних закономерностей, которым подчиняется адекватный выбор и употребление лексической единицы в типизированной ситуации общения» (Заботкина, 1989: 44).

Употребление слова зависит, как известно, от следующих компонентов речевой ситуации: места, обстановки, цели общения, социальных, этических, индивидуальных характеристик участников речевого общения, а также ролевых отношений между коммуникантами.

В связи с этим объектом внимания становятся, прежде всего, языковые единицы, способные становиться показателями речевой интенции, характеризовать социальное положение и отношения участников общения, их эмоциональное состояние и этический портрет.

Наиболее ярко прагматический аспект значения слова реализуется, конечно, в конкретной речевой ситуации, в диалоге, когда высказывание выражает конкретную интенцию говорящего. Анализ речевой ситуации позволяет выявить те компоненты речевой ситуации, которые можно трактовать как условия употребления знака, а анализ высказывания дает нам представление о типе речевого акта.

Однако в условиях художественного текста прагматическая составляющая лексического значения не имеет четких контуров, так как художественный текст (кроме драматургических произведений) не является чистым диалогом его персонажей. Вместе с тем, предметом художественного произведения всегда являются человеческие отношения, которые автор так или иначе обязан отобразить в своем произведении. По закону художественного слова мысли и чувства героев равно, как их словесные поступки, должны быть описаны и описаны с помощью языка.

Рассмотрим, как прагматический компонент значения реализуется в условиях художественного произведения Л. Улицкой «Сонечка».

Для слога Л.Улицкой характерны длинные описания, реализующие отстраненные наблюдения, а также редкие, случайные диалоги.

Как отмечает, А.Д. Швейцер, «при выборе той или иной единицы из ряда денотативно- и десигнативно-равнозначных средств выражения вступают в действие такие параметры, как социальный статус говорящего, его позиция в ролевой структуре общения, его отношение к предмету и адресату речи (социальные установки)» (Швейцер, 1983: 204).

Анализ текста выявил следующие группы лексических единиц, которые маркируют определенные компоненты речевой ситуации.

1. Устаревшие слова и речевые формулы. Данная лексика маркирует социальный портрет, говорящего, используется как способ установления контакта и одновременно является знаком *свой / чужой*.

Рассмотрим следующий диалог. В этом диалоге маркером характеристики коммуникативной ситуации является слово *давеча*. С одной стороны, оно характеризует говорящего, определяя его социальный портрет, с другой стороны оно выполняет здесь функцию невольного воздействия на Сонечку, адресата речевого акта, и успешного исхода данной речевой цели.

«*Давеча* я забыл у вас спросить, – своим светящимся голосом проговорил он, а Сонечка улыбнулась хорошему слову "давеча", которое давно ушло из общепринятого обихода в просторечье, – забыл я спросить

ваше имя».

При этом, как видим, автору важно самому прокомментировать лингвистические причины этого воздействия.

Устаревшие формулы этикета, также позволяют автору указать на принадлежность участников общения к определенному социальному слою, а также показать, как языковой портрет говорящего способствует установлению контакта между незнакомыми людьми.

«Я осмелился побеспокоить вас, доктор, – заговорил мужчина, и пан Жувальский, с первых звуков голоса почуяв в нем принадлежность к своей касте, к попанной европейской интеллигенции, двинулся навстречу с улыбкой узнавания».

Улицкая часто использует выбранный стиль общения, характерные формулы этикета, как неосознанный, а иногда и осознанный способ герою установить контакт с участниками общения и понравиться им.

«Яся отвечала на вопросы односложно, глаза ее были опущены, пока она не скидывала утяжеленные тушью ресницы, чтобы вымолвить, именно вымолвить со смиренно-королевской интонацией своей покойной матери: "Спасибо, нет, благодарю вас, да..." В немногословных ее ответах чуткое ухо могло уловить польский акцент – эти слышались "в" и "л".

Сонечка с умилением подкладывала Ясе на тарелку еды. Яся вздыхала, отказывалась, а потом все-таки съедала и утиную ножку, и еще кусочек студня, и салат с крабами.

– Я уже больше не могу, благодарю вас, – обаятельно и почти жалобно говорила Яся».

2. Сниженная разговорная лексика с ярко выраженным оценочным компонентом значения (просторечная и жаргонная лексика), выражающая коммуникативную интенцию говорящего, субъекта речи и как правило характеризующая необразованных, «неинтеллигентных» персонажей.

«Немолодой тридцатилетний милиционер Чурилин с крупным лицом в черных военных порошинах тряс головой ей вслед и бормотал:

- Ишь ты... ммм...

И непонятно было, что в этом мычании – отвращение или восторг».

Вот другой пример, хотя и косвенной речи персонажа:

«Уже, и сострадательная подруга Зоя шепнула ей, чтобы она так не тарацилась. Но Сонечка с этим ничего не могла поделать».

В этом примере слово *тарацилась* выполняет еще и указание на функцию речевого акта – осуждение.

Прагматически ориентированные слова, например жаргонизмы, служат экономным средством характеристики социально-политической ориентации персонажа произведения:

«Им совершенно не хотелось расставаться, в четыре глаза они глядели по сторонам, и Алеша с удивлением замечал, что ее присутствие не только не мешает его непредсказуемой жизни, а, пожалуй, сообщает дополнительные возможности по части отрыва от "совухи", как называл он презрительно общепринятое существование».

3. Оценочная лексика как способ диалога с читателем.

Известно, что любая оценочная лексика также является прагматически ориентированной лексикой, «она прямо связана с говорящим субъектом и отражает его интересы, вкусы, личное мнение» [Зырянова, 2014: 114]. Хотя она и не содержит отсылки к конкретному речевому акту, она характеризует отношение говорящего, его оценку и привязана к его индивидуальности, его субъективным ценностям и предпочтениям. Используя оценочную лексику, Улицкая сообщает нам о предпочтениях, вкусах и образовании своих героев, например, муж Сонечки, увидев книжные полки с французской литературой, восклицает:

– **«Чудо какое... Какая роскошь... Монтень... Паскаль...**

И даже в эльзевировских изданиях...

– *Здесь девять Эльзевиров, – с гордостью кивнула растроганная Сонечка, отлично усвоившая книговедение, и он посмотрел на нее странным взглядом снизу-вверх, но как бы сверху вниз, улыбнулся тонкими губами.»*

Читательские предпочтения производят впечатление на героиню, и в этом их прагматическая функция говорящего.

Муж Сонечки в повести фигура неоднозначная, но, безусловно, положительная. Роман Викторович интеллеktуал, он из «бывших», который не избежал лагерных тягот советских репрессий, поэтому его нетрадиционные оценки воспринимаются и как способ характеризовать его личность и как возможность пригласить читателя поразмыслить над его взглядами, это своеобразный диалог с читателем.

*«Еще на второй неделе их скоропалительного брака Соня узнала от своего мужа нечто для нее ужасное: он был совершенно равнодушен к русской литературе, находил ее **голой, тенденциозной и нестерпимо правоучительной**. Для одного только Пушкина неохотно делал исключение».*

Что касается лексики, употребленной не в прямой речи, т.е. в так называемом авторском тексте, то в этом случае мы можем анализировать то воздействие, которое оказывает на нас использованная лексика.

Как справедливо отмечает Н.В. Панченко, «автор может либо резко расширять коммуникативные права читателя, предоставляя ему не только полную свободу интерпретации, но и возможность участия в порождении текста; либо вступать с ним в сложную прагматическую игру, умело расставляя в тексте ловушки, западни, замаскированные «ключи» и псевдомногозначительные намеки и т. п.» (Панченко, 2010: 73).

В нарративном тексте легко выделяются оценки главных героев, их взгляды и литературные предпочтения.

*«А Сонечка, кое-как выучив уроки, каждодневно и ежеминутно увликала от необходимости жить в **патетических и крикливых тридцатых годах** и пасла свою душу на просторах великой русской литературы, то опускаясь в тревожные бездны **подозрительного Достоевского**, то выныривая в тенистые аллеи Тургенева и провинциальные усадьбы, согретые **беспринципной и щедрой любовью** почему-то **второсортного Лескова**».*

Сонечкина характеристика классиков русской литературы отличается от школьных, принятых в то время, а положительный образ Сонечки позволяет предположить согласие автора с этими оценками.

А вот другой пример.

*«Роберт Викторович и помыслить не мог о профессиональной работе на службе у **скудного, унылого** государства, даже если бы и смог примириться с его **тупой кровожадностью и бесстыдной лживостью**».*

Оценка Роберта Викторовича резка и категорична, но положительный образ героя говорит скорее всего о согласии автора со взглядами персонажа.

4. Диминутивы как средство поэтики художественного текста.

Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами реализуют разнообразные отношения и оценки говорящего, а также характеризуют отношения свой / чужой участников общения.

Главная героиня повести «Сонечка» – до тех пор Сонечка, пока о ней кто-то заботится, Сонечкой ее называют не только персонажи, но и сам автор, да и сама повесть названа по имени главной героини. Когда же Сонечка лишается мужа, который ее трепетно любил, она перестает быть Сонечкой – т.е. по мере взросления души становится постепенно Соней. В конце повести это уже не Сонечка, а Софья Иосифовна.

У Улицкой имеется и обратный пример, когда на всем протяжении её последующего романа «Искренне ваш Шурик» имя главного героя не меняется и на последней странице – всё тот же Шурик, со всеми его достоинствами и недостатками, хотя уже перед читателями он постаревший.

В интерпретации сохранения уменьшительности его имени автор дает нам свободу. Мы сами решаем, как относиться к этому.

Итак, мы видим, что в условиях художественного контекста происходит переход в употреблении и восприятии слова с уровня значения на уровень смысла, в частности, прагматического. Сигналы для выявления прагматики слова могут выходить за рамки вербальной репрезентации. В этом случае художественный контекст, как справедливо считает Азнаурова,

включает все виды опосредованного декодирования сообщения на базе фоновых знаний умозаключений (Азнаурова, 1988: 9).

Источники – Primary Sources in Russian

Улицкая, 2012 – *Улицкая Л.Е.* Сонечка. М.: АСТ, 2012.

Улицкая, 2016 – *Улицкая Л.Е.* Искренне ваш Шурик. М.: АСТ, 2016.

Ссылки – References in Russian

Апресян, 1995: 150 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Азнаурова, 1988: 38 – *Азнаурова Э.С.* Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988.

Заботкина, 1989: 44 – *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1989.

Панченко, 2010: 72 – *Панченко Н.В.* Знаковый характер текста / Теория текста. М.: Флинта-Наука, 2010.

Сторожева, 2009: 3 – *Сторожева Е.М.* Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: автореф. дис. . канд. филол. наук. Пермь, 2009.

Швейцер, 1983: 204 – *Швейцер А.Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983.

References

Apresyan, Yu. (1995) *Selected works, Integrated description of language and system lexicography*, vol. II, M., Shkola "Jazyki russkoj kultury" (in Russian).

Aznaurova, E. (1988) *Pragmatics of literary text*, Tashkent, Fan (in Russian)

Zabotkina, V. (1989) *New vocabulary of modern English language*, Moscow (in Russian).

Panchenko, N. (2010) *Sign character of text / The theory of text*, M., *Vysshaja shkola* (in Russian).

Storozhevaya, E. (2009) *Social stipulation of idiomatic component of lexical connotation*, Perm (in Russian).

Shveitser, A. (1983) *Social differentiation of English language in the US*, Moscow (in Russian).

Ulitskaya, L. (2012) *Sonechka*, M., AST (in Russian).

Ulitskaya, L. (2016) *Iskrenne vash Shurik*, M., AST (in Russian).

Wunderlich, D. (1991) *Bedeutung und Gebrauch // Semantik. Semantics: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. An International Handbook of Contemporary Research (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 6, XIII, Berlin, NY, Walter de Gruyter. S. 32–52.*

Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*, L., Longman.